

Андрей ПЕТРОВ

г. Архангельск

*«И струится родной говорок
вдоль земных и небесных дорог»*

Творческие переключки
Фёдора Абрамова и Ольги Фокиной

**Писатель Фёдор Александрович Абрамов
(1920–1983),**

**которого часто называют «совестью народной»,
поскольку он всей своей жизнью,
всем своим творчеством доказал
приоритет данной нравственной категории
в жизни человека,
в очерке «В краю родникового слова»
замечил: «Быть может, самый большой,
самый непреходящий вклад Севера
в сокровищницу национальной культуры –
это слово.**

**Живое народно-поэтическое слово,
в котором полнее и ярче всего запечатлелась
душа северянина,
его характер». Сам он придавал большое
значение работе над словом.**

**Как отмечал И.П. Золотусский,
«Литература без языка – без живородного,
сильного, волевого слова – слова-образа –
была для него растрачиванием бумаги».**

**Именно живое северное слово,
органично вплетённое в ткань
художественного произведения,
является главным помощником
самобытной северной поэтессы
Ольги Александровны Фокиной (р. 1937).**

**Она широко известна как
представитель народного – «некрасовского» –
направления современной русской литературы.**

О ВЕЧНОМ ПИШИ...

Двух больших русских художников слова – Фёдора Абрамова и Ольгу Фокину – связывает общность происхождения (оба уроженцы Русского Севера, выходцы из крестьянских семей), общность творческих приоритетов и художественного языка (оба пишут о судьбе русской деревни и большое внимание уделяют живому народному слову), общность гражданской позиции – смелой, непримиримой (в творчестве обоих поднимаются острые социальные проблемы). Понятно, что их человеческие и писательские судьбы не могли не пересечься.

Фёдор Абрамов на встрече с читателями в Архангельске признавался: «Ольгу Фокину я очень люблю. Я считаю, что из женщин, пишущих на русском языке, можно сказать, это самая талантливая поэтесса. Она, во-первых, очень близка к жизни, у неё всегда в стихах не выдумка, не буквы, не слова – стихи порождены самой жизнью, там всегда что-то географическое, всегда что-то деревенское, что-то российское, что-то периферийное, то есть то, что она хорошо знает, с чем она родилась на свет, и чем она живёт, и к чему она приобщается. <...> У Ольги Фокиной есть свой язык, по которому её можно отличить от других поэтов. И это очень хорошо». В своём знаменитом выступлении в телестудии «Останкино» в 1981 году Фёдор Абрамов также отметил: «Очень дорога мне, очень нежно люблю я Ольгу Фокину, которая представляется мне самым ярким поэтом из женщин».

Ольга Фокина в свою очередь признаётся: «Федор

Александрович Абрамов – земляк и родственник по духу, всегда умел поддержать и ободрить меня в нужную минуту», он, «как брат мне родной, ведь речи нашего детства Содонга и Пинега берут начало в одном болоте, и живёт во мне желание пройти пешком от моей деревеньки до его Верколы». Поэтесса вспоминает: «Фёдор Александрович говорил мне: «О вечном пиши!» А я только так и умею писать...»

В 1970 году Ольга Фокина прислала Ф.А. Абрамову сборник своих стихов (Архангельск, 1969) с надписью: «Фёдору Александровичу Абрамову, родному человеку и любимому писателю, с благодарностью». На присланную книгу Фёдор Абрамов откликнулся письмом от 1 ноября 1970 года, где, в частности, заметил: «Дорогая Оля! Два раза перечитал ваши стихи и одно могу сказать: прекрасно! Всё в них такое родное, знакомое, пережитое – за душу хватает. И чистое! Да, да! Редкая у вас чистота и искренность. И дай Бог Вам пронести эту чистоту через всю жизнь. Потому что сами понимаете: какая может быть поэзия без чистоты и искренности». Здесь показательна переключка основной характеристики, данной писателем творчеству поэтессы, с названием самого заветного его собственного труда – оставшейся незаконченной «Чистой книги». В авторском предуведомлении к ней он пишет: «Но Чистая книга даётся только чистому человеку. И до неё надо дорасти. Отсюда принцип – личного самосовершенствования».

МАТЕРИНСКИЙ ЯЗЫК

Необходимо отметить, что как в поэзии Ольги Фокиной, так и в прозе Фёдора Абрамова черты северных говоров не представляются чужеродными вкраплениями, они являются органичной составляющей их художественной речи, для них северный говор – родной, материнский язык, им не нужно переисключивать себя, выисключивать, собирать, запоминать, осваивать северную лексику, особенности северной фонетики и грамматики, чтобы вставить их в свое произведение как номинативное или образное средство, они буквально «транслируют» северный говор в художественный дискурс, становясь проводниками и защитниками родного языка, тем самым повышая его статус.

Стихия живой народной речи может и должна быть зафиксирована в художественном литературном творчестве, поскольку такая фиксация является надёжным способом сбережения и преумножения речевого богатства народа. Идеиное содержание, образный строй произведения только выигрывают, если писатель умеет эффективно распорядиться почерпнутыми из неиссяка-

емого родника народной речи номинативными и выразительными средствами.

Фёдор Абрамов сказал в одном из интервью: «В своем творчестве я ориентируюсь прежде всего на звучащую устную современную речь. Деревенская речь современного Севера – а все мои герои, как правило, оттуда – неисчерпаемая кладовая. Север хранит заповедный русский язык, и в частности моя Пинега. Возьмите наше слово «зарод», равнозначное общерусскому «стог». Со сколькими словами оно связано!.. «Природа», «зародыш», «родник» (в двух значениях), «народ», «сродник»... Воистину выплеснулось из родникового языка...» Он был убежден в том, что «писатель должен быть не столько словотворцем, сколько словодобытчиком».

Покажем использование диалектизмов Фёдором Абрамовым как проявление языкового мастерства писателя на примере беловых глав его незаконченного романа «Чистая книга».

Номинативная функция диалектизмов направлена на создание местного колорита: «Вся эта сряда досталась ему от покойного отца, который любил при случае щегольнуть» – лексико-словообразовательный диалектизм сряда выступает в значении 'нарядная праздничная одежда'; «И понеслась, полетела на навозниках первая хвалёнка Копаней» – слово хвалёнка имеет значение 'девушка-невеста', называют её так, потому что все её хвалят, в словарях встречается толкование 'расхваленная девушка, женщина', здесь используется по контрасту со словом навозники в значении 'сани для перевозки навоза'.

Характерологическая функция диалектизмов предполагает речевую характеристику героев, вот так, например, говорит Махонька, одна из любимых героинь Абрамова: «Ой-ой, любеюшко! Запомнил; – Загунь! – с ходу обрезала его Махонька; – Голубанушко, да ты-то чего испугался?; Дак тот распалился и сына нарушил; Мужичонка попался некорыстный, пьеница... Бывало, каку копейку заробит, ту и пропъёт».

Обращают на себя внимание диалектизмы: фонетические (пьеница, каку), грамматические (союз-частица дак) и лексические (нарушить – 'убить', загунуть – 'замолчать, уняться', любеюшко, голубанушко – 'ласковое обращение к собеседнику').

Стилистическая функция диалектизмов связана с созданием художественной выразительности: «Зайко в лесу все кусты знает, а я разве не заяц в людской пороше?» – сравнение (словарь фиксирует значение слова пороша – 'ровесники, одно поколение'); «На печи, свесив коротенькие ножки, сидел старый-престарый обабок с потухшими, незрячими глазами. Ну разве это Махонька?» – метафора (обабок в значении 'гриб').

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА НА 100 С ЛИШНИМ

Писателю-земляку Ольга Фокина посвящает поэму «Малина твоя» («Хозяйка») (1976), которая является очень созвучной его творчеству. В ней поднимаются острые социальные и нравственные проблемы, создаются яркие образы жителей северной деревни, так же, как и в произведениях самого Ф.А. Абрамова. Отвечая на вопрос журналиста «Вы были знакомы с Абрамовым?» поэтесса ответила: «Да. Он очень тепло относился к моему творчеству. Прочитав отрывок из моей поэмы «Малина твоя», он написал мне хвалебное письмо. И я решила посвятить поэму ему. Когда я спросила его об этом, он ответил: «С удовольствием!»

Поэма «Малина твоя» наглядно представляет подлинную живую речь носителей северного говора: Ну-ко-се, жёнки, / Как он, квасок? / Уж извиняйте, / Что – из братыньки, / Не попеняйте, / Я – по старинке. / Снилось мне ныне / Экая блажь: / Брага – в братыне... / Тоня, уважь! – / «Ух!» – / Рукавами / Вытерты рты. / Снова с краями / Полна братынь – 'медная (или деревянная) посуда, ковш с носиком для подачи на стол пива или разливания его по стаканам'; содержит элементы северного фольклора: «Дождик, лей, дождик, лей / На меня и на людей...» / Пятый день идёт, злодей! / «...На людей – по крошке, / На меня – по ложке!» – закличка; «А мои катанцы-то серые / И шуба серая! / Ничего, что ростом маленька, / По роду – смелая!» – частушка. Ш.З. Галимов отмечает в поэме «мысль о неистребимости самого народного духа, о вечности народных традиций, об их великой всепобеждающей силе».

ЗА МОИМ ЯЗЫКОМ СТОИТ НАРОД

Н.П. Веселова убеждена: «В народной речи каждое слово несёт в себе столь яркую эмоциональную окраску, что настоящий поэт никогда не заменит его на общеупотребительное, живущее в словаре. Так поступает и Ольга Александровна Фокина. Она не опасается вставлять в свои строки слова диалектные или используемые с нарушением норм – ведь всё это часть её собственной жизни и речи, а не «экспрессивные средства языка», как для кого-то. <...> Она почти не делает к ним пояснений, потому как из контекста становится ясно, о чём речь. А если и остаются вопросы, то почему бы читателю не попытаться вникнуть в первооснову языка и не восхититься потаённым смыслом слов, украшавших прежнюю жизнь?»

В различных интервью поэтесса неизменно отдаёт дань уважения северному говору: «Пишу я стихи не для столичного жителя, а для того, чтобы расска-

зать, какие наши северные люди, какая у нас красивая говоря. Родина – это язык плюс территория. Может быть, злоупотребляю диалектизмами, но сельчане, надеюсь, меня поймут. Иногда приукрашиваю, усиливаю эффект». Поэтесса признаётся: «Я сперва, знаете, даже стеснялась. Это Москва – институт, друзья – слава Богу, помогли понять, что наш северный язык – драгоценность. Я почувствовала, что за моим языком, за моими плечами стоит народ и я должна рассказать о нем его словами».

ЖИВАЯ ВОДА

Ольга Фокина статью, посвящённую 60-летию юбилею Ф. Абрамова, озаглавливает «Живая вода» (Нева, 1980, № 2). И это не случайно. Большая часть статьи посвящена именно заглавному образу – живой воде северных ручьёв, родников, рек, болот, их образному описанию: «Но как ни торопятся реки, как ни поката, если глянуть на глобус, архангельская земля к Северному полюсу, далеко не вся вода успевает скатиться к Ледовитому океану. Много, ох как много остаётся её в сторонке от реки, в низких болотинах, в лесных урёминах и львах. Живая и вольная, она поначалу долго не успокаивается, бродит и вздыхает, бродит и вздыхает, ища привычного и необходимого ей движения, но уже не слышит её лес, оглушённый весёлым гомоном пернатых гостей, не подсказывает тропинки, по какой можно бы ей отсюда выпутаться». В номинативной функции здесь используются лексические диалектизмы: урёмина, урёма – 'мелкий лес и кустарник, растущий в низменных долинах рек', льва – 'низкое, сырое, непросыхающее место в лесу, на лугах'. (К слову, у Абрамова много таких словечек: озерица, луговина, ручьевина.) Уместно употребляется метафора, основанная на олицетворении: вода, одушевляясь, действительно становится живой и приобретает характерные для живого существа свойства.

Далее О. Фокина переходит к описанию талантливых людей-северян: «Северное население вообще – в силу своей многовековой удалённости от привычных благ цивилизации и сквознячка беспривязности, в силу постоянного напряжённого единства-соперничества с суровой природой – население своеобразное. Без мечты о прекрасном, без претворения этой мечты в дело северному человеку не обойтись». И дальше выводит общие рассуждения к характеристике героя повествования, раскрывая основную метафору статьи: «Огромный напор потенции народного духа высоко поднимает своих избранников и несёт их буквально на крыльях. Чтобы совладать с этим напором веками накопленных сил, обретающему русло надо быть Настоящей Лич-

ностью. Иначе – не довести ему эти силы из глухого застойного болота до моря-океана человеческого самосознания. Такой Личностью мне представляется писатель Фёдор Абрамов».

А потом Ольга Фокина рассказывает о своих первых читательских впечатлениях о произведениях Абрамова: «...С замиранием сердца прочла я сначала глазами, а потом, поражённая, повторила вслух первые строчки его книги «Братья и сестры». Случилось это в конце пятидесятих годов, на дальнем колхозном сенокосе в верховьях нашей речки Содонги. Вот эти эмоционально наполненные строки дебютного романа Абрамова: «Помню, я чуть не вскрикнул от радости, когда на пригорке, среди высоких плачущих берёз, показалась старая сенная избушка, тихо дремлющая в косых лучах вечернего солнца».

Дальше автор статьи пишет: «С тех пор каждая новая книга, каждый рассказ Фёдора Абрамова для нас – праздник. Их – никогда не сладких – ждёшь, ищешь, проглатываешь в нетерпении, перечитываешь снова. Живые сегодняшние люди, острые сегодняшние проблемы населяют его произведения. Его пристальный, объективный, исследовательский, несуетный, проницательный взгляд, предугадывающий судьбы, – способен на волшебство. Обращает на себя внимание однородный ряд эпитетов, ёмко и точно характеризующий взгляд писателя на окружающий его мир».

Находится в статье место и традиционному народному прозвищу пинежан: «Пиньжаки – колдуны». Эта, пугающая с детства мамина поговорка неожиданно подтвердилась теперь волшебством печатных строк настоящего «пиньжака» И вот здесь-то и появляется повторённая потом в ряде интервью сентенция, указывающая на духовное родство поэтессы с великим пинежанином: «Да и реки наши – Пинега и Содонга – берут начало из одного болота». Заканчивается статья символично торжественно: «Хочется принести ему в берестяном туюске воду, взятую из Нашего Болота, чтобы она, как заговорная, как из сказки, «живая», давала неиссякаемую силу его вере, его совестливости, его любви, его жизни, его таланту». Можно сделать важный вывод: живая вода, питающая творчество и Фокиной, и Абрамова, из одного источника – из живой народной культуры, из чистого родника народной речи.

Образ живой воды встречается в повести Ф. Абрамова «Алька»: «Христофоровна рассказывает о городских студентках: «Я говорю: чем так у нас пондравилось – третье лето подряд ездите?» Смеются: «За живой водой, говорят, бабушка...»; и затем та же героиня замечает: «– Нельзя, нельзя человеку без живой воды, – говорила Христофоровна. – Вот и ищут её люди кто где может. По всему свету шарят...»

СТИШОНКИ В ЯРКОЙ РУБАШОНКЕ

В 1980 году О.А. Фокина посылает Ф.А. Абрамову свою книгу «Буду стеблем» (М., 1979) с комментарием: «Старые стишонки в новой рубашонке». Ф.А. Абрамов ответил поэтессе письмом, датированным 22 апреля 1980 года: «Дорогая Ольга Александровна! Спасибо за стишонки в яркой рубашонке, за «Малину». С удовольствием прочитал. Вот уж словечушко-то где родное! Думаю, я в ладу с деревенской жизнью, но куда мне до Фокиной! И за статейку спасибо! Можете переходить на прозу. Очень поэтично и ясно».

Вряд ли можно подвергнуть сомнению искренность восторженных отзывов писателя и о стихах, и о поэме, и о статье, и о «родном словечушке» поэтессы, впрочем, как и неподдельность эмоционального признания: «куда мне до Фокиной!» Дважды Ф.Абрамов передаёт приветы О. Фокиной в письмах, адресованных Василию Белову: «При случае передавай привет и Ольге Фокиной» (14 октября 1977); «И Оле Фокиной кланяйся» (13 мая 1981).

Примечательно, что литературовед Валерий Дементьев обратил внимание на сходство лирической героини поэтессы с любимой героиней писателя: «Если искать художественные аналогии, то близость лирической героини Ольги Фокиной скорее всего можно увидеть с Лизой Пряслиной, сестрой «большака» Мишки Пряслина из романа Фёдора Абрамова «Две зимы и три лета». Они – ровесницы, у них за плечами военное детство, обе выросли в Придвинье, и в характере обеих есть уступчивость и дерзость, гордость и робость, прямота и застенчивость, которая воспитана всем северодвинским бытовым укладом». Фокина заметила, что этим высказыванием критик немало ей польстил, и продолжила: «Но такую же родственность и похожесть с абрамовскими обнаружат, я уверена, сотни и сотни наших северных деревушек, тысячи и тысячи их жителей».

И БЕЗГОЛОСЫМ ХОЧЕТСЯ ЗАПЕТЬ

В газетной статье «Высокая мера» (Красный Север, 1980, 29 февр.), выход которой был приурочен к юбилею Фёдора Абрамова, Фокина ёмко и точно характеризует значение творчества писателя-юбиляра, его творческое и жизненное кредо: «Он очень верно настроен, сложный, богатый духовный инструмент этого писателя, потому его нефальшивый запев легко поддержать каждому, имеющему голос, и даже безголосым захочется запеть, то бишь задуматься о своей жизни и что-то сдви-

нать в ней непременно в хорошую сторону. Простота и непринуждённость авторского повествования, насущность вопросов, которые он ставит, картины быта, которые рисует, настолько близки и обыденны, что, кажется, вовсе и не книгу читаешь, а живёшь в описываемой деревне, общаешься каждодневно с её многоликим населением и страдаешь его страданиями. Ни намёка на выдуманность или нарочитость образа или слова, ни тени писательского самолюбования, – всё всерьёз и для дела, не для себя, а для людей. Видеть жизнь в лицо и не отводить взгляда от глаз правды, говорить, как и жить, только по совести – это может далеко не каждый. А Фёдор Абрамов другого образа жизни для себя не мыслит, ибо только этот считает единственно верным и достойным настоящего человека. Правдой и совестью, трудом и любовью бесстрашно испытывает он своих героев и не дает никакой поблажки тем, кто не выдерживает этих испытаний. Страстно любящий людей и родную землю, он чутко улавливает в человеке всё, что недостойно истинной любви, и горячо борется за высокое совершенство дел и душ человеческих. Земля прекрасна, она вскормила и вспоила нас, она щедра и отзывчива на любовь и заботу – будьте же, люди, умелыми, заботливыми, дальновидными и любящими хозяевами своей деревни, страны, земли! – таков страстный призыв всех его произведений».

Сопоставим данные заключения О. Фокиной с высказываниями самого Ф. Абрамова, прежде всего, о совести и правде, и увидим, что они совпадают по существу, по духу: «Что я понимаю под душевной работой каждого? Это самовоспитание, строительство собственной души, каждодневный самоконтроль, каждодневная самопроверка высшим судом, который дан человеку, – судом собственной совести. Совесть – это как раз та сила, которая помогает сдирать с человека коросту эгоцентризма, коросту всякой затхлости. Это та сила, которая выводит человека на пути широкого братства, требовательности к себе и людям», – это фрагмент его знаменитого выступления в телестудии «Останкино» в 1981 году. «Всякое умаление правды – самая большая вина писателя. Правда – это самое элементарное условие искусства. Вне правды о каком-то искусстве вообще нельзя говорить <...> Правда всегда нравственна. Правда, в конечном счете, всегда возвышает и поднимает человека. И если что и способно сделать человека Человеком, так это, прежде всего, правдивое искусство», – из интервью 1976 года, озаглавленного «Писательство – это честный разговор о жизни».

ПУТЬ НА ВЕРКОЛУ

Памяти Фёдора Абрамова Ольга Фокина посвящает несколько поэтических произведений. Непосредственно на его смерть поэтесса откликнулась стихотворением «Путь на Верколу», которое на похоронах по её просьбе прочитал Василий Иванович Белов. Впервые опубликовано оно было накануне печального дня 18 мая 1983 года в газете «Советская Россия».

Ш.З. Галимов вспоминает: «В тот день негреющее северное солнце долго не заходило над Верколой, долго не утихали над Пинегой ранящие крики чаек, а в душе у каждого нескончаемо томительно звучали прощальные строчки стихов Ольги Фокиной, прозвучавшие над могилой».

Стихотворение построено в форме народного плача по родному близкому человеку. Здесь органично в качестве выразительного средства используется название родной деревни писателя – Верколы на реке Пинеге, трижды поэтесса обращается к ней по имени, призывая совершить поминальный обряд по усопшему сыну: Занавешивай, Веркола, / Светлой Пинеги зеркало / Плотным платом тумановым, / За ночь сотканным заново – метафорически осмысливается народный обычай завешивать зеркала в доме покойного; слово плат – 'платок' в словаре имеет помету – народно-поэтическое.

Фольклорный характер стихотворения подчеркивается воспроизведением традиционного ритма причитания: Твоему сыну, Веркола, / Приусталось, призаснулось – при этом происходит смещение ударения, данная строка рифмуется со строкой: Не гремит молоток о гвоздь; использованием специфических языковых средств – фольклоризмов: уменьшительно-ласкательных суффиксальных образований: Пригнети его, Веркола, / Чтоб не смела просверкивать / Ни полна озеринушка, / Ни шумна ручьевинушка – здесь употребляются диалектизмы: озерина – 'низкое место, низина (там, где бывает вода)'; ручьевина – 'ложе ручья, ложбина, по которой иногда течёт вода'; Огради его дёрнышком / От дождя и от солнышка...; усечённых и стяженных прилагательных: Постели ему бел-песок, / Поцелуй его в лоб высок – в первом случае формируется сложное наименование, на основе атрибутивного словосочетания; Ни полна озеринушка, / Ни шумна ручьевинушка.

Органично в контекст стихотворения вводится окказионализм разоцветший в значении 'находящийся в разгаре цветения': Накрой не ко времени / Разоцветшим черёмухам / Лоскутов ночной темени, / Разбросай по хмельным кудрям; выразительное обыгрывание однокоренных слов: Ходких ходиков маятник / Придержи, чтоб не стукали;

Через два года появляется стихотворение О. Фокиной «В Верколе ставят сена...» с посвящением Поминальное – Фёдору Абрамову (1985), оно выдержано в форме разговора лирической героини с покойным писателем, который ей как будто бы отвечает из гроба: В Верколе ставят сена. / Кос отбиваемых звоны / Как пропускает стена, / Сказывай, сыне законный / Нежно любимой земли, / Ею засыпанный щедро, / Всем, кто пока не легли / В те потаённые недра; и в финале мы слышим голос Абрамова: «Ладно. Добро. Хорошо. / Ведаю. Чувствую. Слышу». Показательно, что при обращении поэтесса использует архаичную звательную форму сыне как элемент высокого стиля.

В стихотворении речь идёт о сенокосной страде, которая могла бы порадовать писателя, поскольку жива его родная деревня Веркола, поскольку погода благоприятствует трудам земляков, да и сам он как истинный крестьянский сын с радостью взялся бы за дело: Рвался, поди, подсобить? / Жаль, что родные забыли / Рядом с тобой положить / Косу, да грабли, да вилы. / Ты бы пострадал всласть! – язык и ритм стихотворения максимально приближен к спонтанной живой разговорной речи. Обращает на себя внимание оптимистический настрой произведения: ...В срок завершилось дело: / Туча в Двину пролилась, / Верколу – нет, не задела. / Град стороною прошёл. / Иней картошку не выжег... Это тот особый оптимизм тружеников земли, о котором ратовал великий писатель-деревенщик Фёдор Абрамов.

Ещё одно посвящение Ольги Фокиной «Ваш родной, ваш лесной уголок...» от 1 марта 1995 года выразительно характеризует жизнь и творчество Фёдора Абрамова, которые в большей степени раскрываются и проявляются именно в его родных местах (вспомним, что книга А.М. Туркова о Фёдоре Абрамове начинается с описания его родины – Русского Севера, Верколы, ведь «Чтоб понять поэта, надо посетить страну поэта, заметил однажды Гёте»): Ваш родной, ваш лесной уголок. / Ваш земной, земляной бугорок. / Дом, соседи, родные, друзья... / На виду биография вся. / Нараспах – горевая душа... / И крылато страницы шуршат. / И струится родной говорок / Вдоль земных и небесных дорог. Сочетание горевая душа подчёркивает всегдашнюю обеспокоенность писателя за судьбу родного края, родного народа, родной страны.

В финале стихотворения подчёркивается, что физическая смерть – это не предел, поскольку живы книги, мысли, душа писателя: Смерть телесная – разве предел? / Тело – в землю, но дух – отлетел. / И касанья его – горячи, / Словно пламя горячей свечи.

И вновь обратимся к книге А.М. Туркова: «Когда

умер один из талантливейших пинежских мастеров, Абрамов одно время набрасывал «посмертное письмо другу»: «Может, в той могилке, над которой я стою, и укрыты твои останки, но духа там твоего нет, твой жизнелюбивый, твой деятельный, беспокойный дух с нами. А значит, и ты живешь меж нас (с нами)». И трудно лучше сказать о самом авторе этих строк...»

Действие всех трёх поэтических посвящений Ольги Фокиной Фёдору Абрамову разворачивается у могилы писателя, однако в них говорится в большей степени о его «беспокойном, деятельном духе».

«Открытая, активная публицистичность, интонации гнева, негодования, протеста», появляющиеся, по мнению Е.Ш. Галимовой, в поэзии Ольги Фокиной в конце 1980-х – 1990-е годы, делающие её «по-настоящему гражданской», созвучны публицистике Фёдора Абрамова, взывающей «к прозрению, самоочищению, к активному действию во имя возрождения России, народа, человека» (характеристика Л.В. Крутиковой-Абрамовой).

«Лирическая героиня вбирает в себя беды и горести родной земли и всей страны, её голос становится голосом страдающей крестьянской России <...> становится защитницей, воительницей, пытающейся противостоять силам, грозящим разрушением самого ценного для неё и для тех, с кем она себя отождествляет», – пишет Е.Ш. Галимова о публицистической, остросоциальной поэзии Фокиной.

Л.В. Крутикова-Абрамова отмечает: «Главное и особо значимое достоинство публицистики Абрамова – в её одухотворенности, в неразрывности проблем социально-экономических и нравственных, духовных <...> нельзя возродить Россию, её хозяйство, её опустевшие деревни, запущенные поля и пашни, не возрождая, не улучшая самого человека».

ДУХОВНАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Родство духа Фёдора Абрамова и Ольги Фокиной очевидно. Ш.З. Галимов пишет: «Самое сокровенное чувство в поэзии О. Фокиной – чувство безмерной любви к родимой земле, к северной лесной деревеньке, к тихим перелескам, косогорам, ивушкам. Об этом лирическая героиня её стихов умеет сказать по-крестьянски истоно, напрямую, словами обжигающими, идущими из глубины души. <...> Героиня чтит свою родословную, гордится своим крестьянским корнем, деяниями отцов и дедов – извечных хлеборобов. Она сама мечтает всю жизнь идти по той же нелёгкой и негромкой стезе, лишь бы не нарушались народные основы жизни, бережно сохранялись вековые традиции. <...> Такой своей настроенностью, ощущением кровной связи с на-

родной почвой стихи Ольги Фокиной близки эмоциональному пафосу лучших образцов нашей прозы – произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, Е. Носова, Н. Жернакова, В. Личутина.

Фёдор Абрамов в своём выступлении на VI съезде писателей СССР, озаглавленном «О хлебе насущном и хлебе духовном», утверждал: «Деревня – наши истоки, наши корни. Деревня – материнское лоно, где зарождался и складывался наш национальный характер», а в речи в день своего шестидесятилетия сказал: «Русская деревня – это та нива, на которой всколосилась вся наша национальная культура, наша этика, нравственность, наша философия, если хотите, наш чудо-язык».

Таковы творческие, человеческие, духовные переключки Фёдора Абрамова и Ольги Фокиной, подлинных художников слова, совестливых и правдивых радетелей о судьбе русской деревни, русского народа, изумительных певцов Русского Севера.

Список использованной литературы

- Абрамов Ф.А. Чем живём-кормимся. Л., 1986. 528 с.
 Абрамов Ф.А. Собрание сочинений. В 6 т. Т.6 СПб., 1995. 625 с.
 Веселова Н.П. Ольга Фокина. Избранная. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2012/12/12/1931>
 В мире Федора Абрамова. СПб., 2005. 384 с.
 В своей семье – в своей стране: диалог Ольги Фокиной и Василия Оботурова // Наш современник. – 1985. – № 3. – С. 138-140.
 Галимов Ш.З. Верность // Правда Севера. – 1977. – 25 июня.
 Галимов Ш.З. Постигание времени // Север. – 1979. – № 10. – С. 121 – 128.

Галимов Ш.З. Федор Абрамов: Творчество, личность. – Архангельск: Сев-Зап. кн. изд-во, 1989. – 251 с.

Галимова Е.Ш. Поэзия Архангельского Севера XX-XXI веков: учебное пособие. – Архангельск: ИД САФУ, 2014. – 246 с.

Дементьев В.В. От имени серпа: О. Фокина // Дементьев В.В. Исповедь земли: Слово о российской поэзии. М., 1980. С. 441 – 461.

Золотусский И.П. Федор Абрамов: Личность. Книги. Судьба. – М., 1986. – 160 с.

Крутикова-Абрамова Л.В. Жива Россия. Фёдор Абрамов: его книги, прозрения и предостережения. СПб., 2003. 416 с.

Федор Абрамов – Василию Белову: Письма 1965-1981 // Север. 2000. № 5-6. С. 163-180.

Фокина О.А. Высокая мера. К 60-летию писателя Фёдора Абрамова // Красный Север, 1980, 29 февр.

Фокина О.А. Живая вода // Нева, 1980, № 2.

Фокина О.А. «И каждый читатель как тайна» / записала Н. Серова // Книжное обозрение. 1986. 27 июня. С. 15.

Фокина О.А. «Прозой баю, а поэзия – бай-бай...» // Знамя (Красноборск). 2005. 30 авг.

Фокина О.А. Задают тон формалисты // Литературная Россия. – 2010. – 26 февр. – С.7.

Чистая книга Фёдора Абрамова. Архангельск, 2015. 384 с.

Андрей Васильевич ПЕТРОВ

родился в 1964 году в г. Северодвинске Архангельской области.

Окончил Архангельский педагогический институт.

Доктор филологических наук,

профессор кафедры русского языка и речевой культуры

Северного (Арктического) федерального университета

имени М.В. Ломоносова (Архангельск).

Автор более 200 научных и учебно-методических работ, среди них книги:

«Современный русский язык. Безлично-модальные предложения»,

«Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка»,

«Система безличных предложений в современном русском языке»,

«Простые звуки родины моей...» Язык поэзии Ольги Фокиной».

Публиковался в журналах: «Русская речь», «Русский язык в школе»,

«Филологические науки».

